

Джонни
Лейн

**Алина
и те,
кто
умерли**



**Роман о жизни, смерти
и чём-то среднем**

Джонни Лейн

Алина и те, кто умерли

«Автор»

2026

Лейн Д.

Алина и те, кто умерли / Д. Лейн — «Автор», 2026

Медсестра-недоучка Алина нашла себя в морге. В хорошем смысле этих мрачных слов – она оказалась блестящим танатопрактиком. Но иногда быть мастером – значит работать несмотря ни на что. «Ничего, у меня получится» – подумала она... И вылетела вон из этого мира. А в другом и правила другие. Люди могут быть не людьми, больные – не больными, мёртвые – не мёртвыми. В другом заставят работать на своё сомнительное благо; захотят снести голову, но сначала задрать юбку; обвинят безвинно и выгонят безвозвратно; попросят совета, а понять его не смогут... В другом много чего – но исчезающе мало того, что могло бы понравиться. И хорошо бы из этого другого выбраться! Чем Алина, собственно, и занята. С переменным успехом. И с верным другом по имени... Ладно. Вперёд забегать не будем. Будем идти вместе с Алиной. Тем более что план у неё великолепный – «Идти и дойти. И я его уже осуществляю!».

© Лейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Реставраторша	5
2. На что горазда Горазда	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джонни Лейн

Алина и те, кто умерли

1. Реставраторша

У меня было правило: когда я заканчивала работу, я всегда благодарилась. Что-нибудь вроде: «Ну вот и всё, спасибо, теперь вы можете отдохнуть». Но если бы мне хоть раз ответили, я бы, наверное, начала заикаться или поседела. Ведь я работала в морге. Работала давно и работала бы дальше, если бы не... Впрочем, лучше всё по порядку. Если чему-то меня и научила моя такая «страшная» работа, так это порядку.

Начиналось всё на совсем другой колее. Скажем так: на параллельной.

Я всегда хотела быть медсестрой – как мама. Её не спасали никакие перчатки: от контакта с лекарствами у неё на пальцах появлялись мелкие пузырьки, лопались, превращались в болезненные трещины, но даже на это я смотрела как на что-то правильное. Подтверждающее важность того, чем она занимается. Класе в шестом, наблюдая, как тщательно она втирает очередной «суперкрем» и ругает свои «слишком нежные» руки, я так ей и сказала:

– Нет, мам. У тебя самые правильные в мире руки.

Она засмеялась:

– Пойдёшь в медицину – заработаешь такие же!

И я почти «заработала». Медколледж, теория, практика – я была уже на финише. А потом, на одной из учебных смен, просто замерла у кушетки. До сих пор надеюсь, что не напугала того больного. Прошло почти семь лет, а я хорошо его помню: простоватый такой мужичок с «многоэтажным» подбородком и отчего-то красными, как у мальчишки, ушами. Не знаю, что случилось, но вместо двух внутривенных уколов – две минуты моего нелепого ступора. И если бы только ступора. Нахлынуло понимание: нет, это не моё. Не стану, не буду, не могу, не хочу. Меня окликали («Алина!», «Алина, ты чего?»), меня предупреждали («Митина, или работаем, или как бы тебе не пришлось пересмотреть профессию!»), а я не реагировала. Только глупо улыбалась. Чему? Вероятно, тому, что понимала прямо там, в те самые минуты: медицина для меня закончилась. Закончилась, толком даже не начавшись.

Тогда это казалось если не трагедией, то драмой, которую ещё нужно пережить. Хотелось забиться в какой-нибудь тихий угол, чтобы никто не мог спросить, как там мой диплом или куда я собираюсь устраиваться. Так я оказалась в провинциальном городке на самом краешке области, у родственницы, которую не видела с детства. Степень нашего с ней родства мама так и не смогла вспомнить.

– Кажется, тебе она троюродная тётка. Не важно. Отдохнёшь, наберёшься сил.

– Ну да. Свалюсь как снег на голову...

– Ничего не снег. Ерунду не говори. Там хорошо, Алин. Тихо. А она у нас в долгу, если что. Да и обрадуется, вот увидишь!

Тётку звали Зоя Алексеевна. Новоиспечённая пенсионерка, она не знала, куда себя деть, и только что затеяла ремонт. Мне она действительно обрадовалась. В основном как рабочей силе. Собственно силы во мне, может, и не много, зато Зоя Алексеевна не уставала всплёскивать руками: «Всё-то у тебя, Алиночка, получается, всё как конфетка! Тебе в строители надо идти! В эти самые... отделочники!». Я растаскивала шпателем комковатую сметану штукатурки и молчала. Обсуждать свои перспективы? Я ведь и уехала-приехала как раз для того, чтобы этого не делать...

Ремонт закончился (скорее прекратился, потому что Зое Алексеевне «надоела эта грязь»), а лето только начиналось. Из окон её двушки хорошо просматривались корпуса цен-

тральной районной больницы, окружённые запущенным, диковатым парком. Чтобы не сидеть у тётки безвылазно, я взяла за привычку по этому парку прогуливаться – как птичка, перепрыгивала со скамейки на скамейку (вот как-то не сиделось мне на одной, посижу там, посижу здесь), бродила в какой-то странной задумчивости. Странной – но, на удивление, не унылой. Если бы меня спросили, о чём я думаю, я бы вряд ли ответила. Зато легко бы объяснила, что чувствую. Это было желание деятельности. Сильное желание. Наверное, даже можно сказать – жажда.

Однажды я собрала мусор вокруг лабораторного здания. Почему я выбрала именно его? После полудня там никто не ходит. Пусто. Около главного корпуса – народ всегда, а в лабораторию идут только с утра. К тому же она на отшибе, парк, собственно, на ней и кончается. Не то чтобы я считала, что занимаюсь чем-то нехорошим, но довольно необычным – пожалуй. Я ведь не дворник, не волонтер. И на дворе, как говорится, не субботник. Поймай меня «с поличным» – с выцветшими, наверняка принесёнными ветром фантиками от мороженого и рваными пакетами – и я бы, конечно, нашла что сказать. Но также я знала, что прозвучало бы это несурезно. Жажда деятельности, кхм...

На противоположном конце парка притулилось другое небольшое и еще гораздо более угрюмое, «нелюдимое» здание. Морг. Казалось, что его облетал десятой стороной даже ветер – мусора там практически не было. Но были одуванчики. И они самым наглым образом забрались прямо в искусанное временем колесо клумбы. А ведь клумбы была засеяна и теперь цвела – белые, розовые, сиреневые петунии...

Всё это безобразие – а вернее, красота, в которую вторглась другая красота... в общем, весь этот микс требовал немедленного вмешательства. Моего. Вот так я на тот момент ощущала. Помнится, подумала: ну как же так? Засеяли – приглядывайте!

Я аккуратненько освободила цветы от цветов – петунии от одуванчиков – и топталась на месте, не зная, что делать дальше. Прочитала вывеску над дверью, рассмотрела старенькое крыльцо... В колледже у нас было несколько лекций по патанатомии, а парочка лабораторных значилась только в расписании. Как раз в здании морга, конечно, куда более монументального, областного – два этажа, высокий цоколь, тяжёлые колонны. Приезжая туда, мы просто сидели всей подгруппой в ординаторской, а взмыленный патанатомик заглядывал и бормотал «шассас» или рекомендовал «почитать пока учебник».

Я уже и забыла, когда в последний раз собирала цветы, и как-то жалко было просто так выбрасывать получившийся одувано-букетик. Но и тащить их к Зое Алексеевне было бы ошибкой. Зоя Алексеевна ещё целую неделю выспрашивала бы, как часто меня тянет на сбор цветочков, откуда конкретно я принесла эти, и так далее. А ведь я бы так и сказала: от морга. Что было бы новой ошибкой, зато не шло бы в разрез в простом принципе: не ври там, где можно сказать правду. Просто потому, что враньё затратнее и, как учил нас один очень хороший анатомик в колледже, – всегда вылезет боком. Не попался сразу – попадёшься потом, сам же запутаешься, споткнёшься на мелочи и растянешься в полный рост...

С противоположного торца что-то звякнуло, и я, не отдавая себе отчёта зачем, побрела туда.

Здесь здание уходило в тень, довольно сильно пахло хлоркой и чем-то жгуче-химическим. Под стеной стоял открытый полиэтиленовый мешок, забитый светлыми тряпками (простынями? халатами?). Я не сразу заметила ещё одну дверь – ни на ней, ни рядом не было никаких вывесок, не было даже нормальной ручки, только скоба. Дверь была приоткрыта, как будто кто-то не прикрыл второпях. Закрывать? Открыть? Я выбрала то, что выбрала...

Живых в зале не было, только откуда-то из соседних помещений доносились голоса, звон посуды, иногда и смех – расслабленные звуки общения обедавших.

На одном из двух металлических столов лежал сильно сгорбленный голый старик. Из-за того, что его спина так и не расправилась, казалось, что лежится ему очень неудобно – как

будто ему мешает его собственная горбатость. Говорят: горбатого могила исправит. Глядя на старика, с этим хотелось поспорить. С другой стороны, он ведь ещё и не в могиле... Голова его запрокинулась, рот открылся – поза была очень напряжённой. Я попробовала поднять его руку, но она была как насквозь промёрзшая ветка. Трупное окоченение. Нет, тут ничего не поделаешь. Я просто положила свой букетик рядом с запрокинутой седой головой... Покрутилась немного и обнаружила стопку чистых простыней на стеллаже. Я укрывала старика, когда услышала спокойный вопрос:

– Родственница?

Не помню, чтобы я вздрогнула. Просто подняла взгляд. В проёме стоял пожилой мужчина в расстёгнутом белом халате поверх белой же футболки. Вот почему я это так хорошо запомнила: халат, что называется, видал виды, был усеян пятнами самых разных форм и расцветок и как бы отзеркаливал пёстрый принт на футболке.

– Нет. Не родственница, – так же спокойно ответила я.

– А, вон оно как... Что ж. Санитарка нам нужна просто как воздух, – Он улыбнулся и назвал себя (я давно уже не говорю «представился», в условиях морга от двусмысленных слов отказываешься раз и навсегда): – Первушин Андрей Николаевич. Зав патологоанатомическим отделением.

– Митина Алина. Без пяти минут санитарка. – Я, насколько помню, улыбаться не стала. Кивнула на недоукрытого старика: – Что с ним?

– Умер. Заявление написала?

И я написала. Да, вот так, с места в карьер. Думала ли я, что устраиваюсь надолго? Нет. Даже близко. Это была своего рода авантюра, попытка хоть как-то ответить на дурацкую ситуацию невхождения в медицину. Временный способ утолить мою деятельную жажду. Мама вот хорошо меня поняла. Она так сразу и сказала: сбей охотку, если надо! Ни я, ни она не рассчитывали на то, что это затянется.

Жажда утолялась просто на ура. От усталости я еле-еле ползала, особенно первое время. Работы хватало. Покойников я, конечно, не таскала, это было прерогативой Рудакова и Пузанова, но полы, столы, общий порядок, учёт вещей в конвертах с бирками, журнал температуры в холодильниках – всё это навалилось с самого первого дня, под бодрящий рефрен коллег «Зилола успевала!». Зилола – предыдущая санитарка, вернувшаяся на солнечную родину. Она успевала *всё*. Всё плюс петунии. Не особенно тормозила и я, и всё-таки куда-то на подкорку так и въедался идеальный образ Зилолы-Которая-Была-Шустрее. Я, кстати, петунии тоже не забросила, правда, потом поменяла на многолетник. И вот что могу сказать с чистой совестью, исходя из опыта: ни петунии, ни ирис, в отличие от покойников, – не капризны...

Через неделю мне доверили первое одевание. Для начала – под бдительным оком Рудакова. А ещё через несколько дней был тот нашумевший случай с подростком, выбросившимся с восьмого этажа на строительные блоки. Ох и неудачно он упал, скажу я вам. Шансов выжить не было, и я не об этом. Не лицо, а синяк. Не лоб, а яма. И практически выворотило нос. Первушин нервно обходил секционку по периметру. Только что ему позвонили: родственники непоколебимы – гроб должен быть открытым. А как?

– Скажите мне – как? Я же не приделаю ему новую голову. Нету у меня новой головы! И специалистов таких – нету.

– Почему сразу нету? – обиделся Рудаков. – А кто в прошлом году сделал ухо?

– Твоё ухо над подушкой торчало ровно на сантиметр. Это мог быть камень. Или крышечка от кофе.

– Оно не моё, – снова обиделся Рудаков. – Мои оба при мне. Я, так-то, и не про ухо. А про то, что специалисты вообще-то есть. Просто это... всё слишком всмятку.

– Конкретные предложения?

– Можно это... кепку на него одеть. И на лоб надвинуть...

– Да-да. И на нос тоже. Всё. Молчи, – отмахнулся от него Первушин. – Ещё предложения у кого-нибудь имеются?

– Мы не волшебники, Андрей Николаич, – сказала лаборантка с красивым именем Снежана. Обычно она сидела у себя и очень не любила, когда её оттуда выдёргивали. – У родственников горе, но это не значит, что все они разом перестали соображать. Надо сказать им как есть, вот и всё.

– Надо отдать им как есть, вот и всё, – хохотнул наш второй патологоанатом, совместитель Сомов.

– Опять ты со своим юмором, Серёжа!

– На том стоим, – широко улыбнулся Сомов. Он никогда не лез за словом в карман.

– В общем, всё с вами понятно, – вздохнул Первушин. – Не понятно только, что делать в итоге. Не нанимать же мне скульптора, в самом деле! Да он и пробовать не станет...

– А я бы попробовала, – подала голос я. Я не пыталась изобразить хотя бы лёгкую нерешительность. Зачем? Для себя я всё уже решила. Могу, хочу. Это было как тот мой ступор, только с точностью до наоборот. Анти-ступор. Просто руки чесались что-то изменить. И отчего-то верилось, что обязательно получится.

Повисла пауза, и все уставились на меня: и взвинченный Первушин, и безразличный ко всему кроме себя любимого Сомов, и «обиженный специалист» Рудаков, и высокомерная Снежана.

– Ты? – наконец переспросил зав.

– Я, – кивнула я.

Он подошёл к столу, где лежал подросток, ещё раз окинул взглядом «всмятку», постоял в задумчивости и всё-таки дал мне отмашку: – Делай что хочешь. Хуже не будет!

Я отправила Рудакова в магазины – за шпатлёвкой и косметикой (список косметики я даже надиктовывала долго, не удивилась бы, узнав, что косметические ребята сделали в тот день недельную выручку), а сама сбегала в «травму», за гипсом. Им я заполнила яму на лбу (вернее, конечно, яму вместо лба), подстраховывая всё это дело несколькими слоями бинта. Основой для носа стала плотная арка из картона, её я заполнила всё тем же гипсом. Пока схватывалось, открыла ведёрко с финишной шпатлёвкой – густой белоснежной массой, похожей на жирный кондитерский крем. И шпателем, слой за слоем, слой за слоем... Главное – не торопиться, не наваливать, а тонко, как можно тоньше растягивать от рваных краёв к целой коже. Не пачкать корни волос. Не «заезжать» на брови.

Потом я долго подбирала и выравнивала тон, и тоже слоями: тональный, консилер, корректор... Подправить форму ноздрей. Чётче обозначить губы. Капельку блеска на выступающие участки, чтобы снять эффект маски.

Пришедший на ночное дежурство Пузанов ушёл спать в бытовку, а Рудаков сидел на подоконнике покрашенного до середины окна и следил за каждым моим движением так, как будто боялся что-то пропустить. Мне казалось, он даже не моргает. Он не собирался оставаться на ночь, с самого начала так и заявил – не та у нас работа, чтобы на ней гореть, – да и я оставаться не собиралась, но время несло, а начала я поздно. Оглянувшись на процарапанный в белой краске «глазок» за своей широченной спиной, он вдруг с удивлением ухнул:

– Утро!

Я пожалала плечами. Утро так утро. Я почти закончила. Последние штрихи...

Восстановленное лицо это восстановленное лицо. Оно не стало прежним, не стало «как живым». Но теперь на столе лежал уже не «тот пацан без носа, с дырой в голове», а просто очень бледный, очень уставший подросток. Будто долго болел и наконец уснул.

– Митина, да ты же прирождённый танатопрактик, – даже как-то озадачился Первушин, прибежавший едва рассвело, часа на полтора раньше обычного. – Прирождённый, – повторил он. – И это хорошо. Только ставки такой у меня нету. И это плохо. Да у меня даже Пузанов – по

документам не у меня! Он сторож, понимаешь? Ой, да что ты понимаешь, – махнул он рукой, как будто я в чём-то ему противоречу. – Но ты знаешь... мы что-нибудь придумаем. Голь на выдумку хитра, подумаем и... – Он постучал себе указательным пальцем по лбу, что, видимо, должно было означать начавшуюся умственную деятельность, и убежал в ординаторскую.

Я пожала плечами. Что мы могли придумать? Мы работали.

После восстановления лица того мальчишки меня ещё месяц-другой называли Реставраторшей. Полы, столы и общий порядок перестали быть основной заботой, теперь это было между делом. А делом, моей основной обязанностью стала «подготовка к выдаче», или «душ и мордаха», как формулировал Сомов. Мне и другие его словечки не нравились («жмур», «экземпляр», «плакальщики уже приехали?»), а с этими «душем и мордахой» он и вовсе перенюхнул, но вот как-то оно прилипло – «Митина, всё, душ!», «Алина, иди рисуй мордаху!». И я шла и рисовала. Мне не то чтобы нравилось. Может ли такое нравится вообще? Но я видела результат, видела зачем. Чувствовала свою незаменимость – если с «душем» управлялись и до меня, то «мордаха» стала тем, что только моё. Двумя-тремя мазочками перекрыть посмертную серость; капелькой мастичного клея зафиксировать умиротворённую полуулыбку; немного блеска, чтобы отступила «кукольность». А ещё я осознала одну важную вещь: я работаю ради живых, не ради мёртвых. Но мёртвые – мои в этом деле безмолвные союзники. Когда я это по-настоящему поняла (не сразу, годика, наверное, через полтора), и появилось моё правило их благодарить. Дни неслись под аккомпанемент этих моих благодарностей. Дни, месяцы, годы.

В тот злополучный вечер до слов благодарности просто не дошло. Я не успела.

Женщину привезли уже под вечер. Отсюда же, из «терапии». Сомов глянул на часы, недовольно цокнул языком и ринулся, что называется, в бой. Он управился быстро, минут за сорок («от чего лечили, от того и умерла – классика!»), кивнул Рудакову («собрать-зашить, формалин фри»), быстрее обычного управился и тот. Я включила воду, взяла губку. Сначала – вымыть, высушить, поправить швы, и только потом все тонкости визажа. Торопиться было некуда, точнее сказать, не к кому. Зоя Алексеевна умерла два года назад, завещав мне квартиру и одиночество, а кормёжка у моих питомцев – серебристой троицы крапчатых сомовиков – только по утрам. Они и так непрерывно едят, «пылесосят» дно. Донные рыбки, большие аккуратисты. Кто-то должен наводить порядок и на дне...

Женщине было сорок четыре. Симпатичное лицо с тонкими, я бы даже сказала благородными чертами. Хорошая кожа. Ухоженные руки. Из тех людей, про которых сразу ясно: следила за собой. Тем более странно выглядело откровенно некрасивое, какое-то хаотично-неряшливое тату у неё на шее, под левым ухом. Трудно было представить, из каких соображений она наколола такое, да ещё и на видном месте, да ещё и – вероятнее всего – недавно, тату выглядело свежим. Какие-то бесформенные каляки-маляки, честное слово. С чем бы это сравнить... Перепутанные нити, наверное, самое близкое... Показалось мне или нет? Я направила на тату поток воды, и «нити» зашипели.

Я разбирала её вещи – всегда перед этапом с косметикой смотрю, во что буду одевать, какой вырез у ворота, есть ли рукава и какой они длины. Тёмно-синее платье (настолько хорошая ткань, что не хотелось выпускать из рук), невесомые колготки, изящные туфельки, золотая цепочка. Едва уловимый аромат духов каким-то чудесным образом перебивал все агрессивные запахи морга.

– Алин, – позвал Рудаков. – Там это, родственник. Ну, муж. Только он на крыльце, заходить отказался. Говорит, что-то важное.

– Теперь уже вдовец, – привычно поправила я. Никогда не понимала этой странной разницы: вдов называли вдовами, а вдовцов почему-то всегда мужьями. – Не поздновато ли для родственников? И что за «важное», если даже не заходит?

Всё это я, разумеется, не у Рудакова выспрашивала. Просто бормотала себе под нос. Мне ли не знать о причудах родственников? К слову сказать, родители прыгнувшего подростка

были возмущены: мальчик выглядит болезненно! И они были правы. А до меня, пожалуй, именно тогда окончательно дошло: да, я сработала верно. Ведь чтобы возмутиться этой «болезненностью», надо было не только не видеть, но даже не представлять, из чего она была получена. Они – не представили. А значит я – справилась.

На крыльце меня ждал высокий, худощавый, совершенно вымотанный мужчина. Казалось, если бы он не опирался на деревянные перила крылечка, то и на ногах бы не устоял. Увидев меня, он то ли кивнул, то ли передёрнулся.

– Вы по поводу подготовки? – спросила я.

– Я муж Ларисы... Да. Я по поводу... По поводу... татуировки. – Он говорил, скатываясь в паузы и очень тихо.

– Да, я видела. В принципе, я не работаю с татуировками, но если очень нужно, я могу её замазать.

– Нет! – выкрикнул он так громко и нервно, что мне стало как-то не по себе. – Не трогайте. Ничего не трогайте.

– Ничего – или только татуировку? – совсем запуталась я.

– Татуировку, – смягчился он. – Это важно не для меня. Для вас. Учтите.

– Хорошо, я учту. Что-то ещё?

– Это всё... Но вы не забудьте и учтите!

– Я работаю не первый год. Я всё подготовлю, ничего не забуду, всё учту. Не переживайте. – Я коснулась его плеча и тут же об этом пожалела. Он посмотрел на мою руку так, как будто она была в грязи, и я его пачкаю.

Уточнять причину этих татуировочных странностей я, разумеется, не стала. Работа в таком месте, как это, быстро учит такой полезной вещи, как не задавать людям лишних вопросов. Особенно в первые сутки. Тем более в первые часы...

Вернувшись к Ларисе, я глазам не поверила: тату вздулось пузырьком с хорошей такой сливу!

Надеяться на драпировку каким-нибудь шарфиком было себе дороже. Плавали, знаем. В последний момент окажется, что шарфиков она не только не носила, но и была их яркой ненавистницей.

Ничего, разберёмся. Да, понятно – тату просили не трогать. Но никаких манипуляций с самим рисунком и не будет. Я ведь не собираюсь его закрашивать, сводить или подрисовывать. Сами каляки-маляки не пострадают, вот я о чём. Я только вытяну жидкость...

– Ладно, Лариса, – сказала я устало. – Сейчас всё исправим.

Шприц-двадцатка. Аккуратный прокол...

Поршень не шёл.

– Хм... Да что ж такое?

Наконец-то! Подался. Откачал миллилитров семь совершенно прозрачной жидкости – и снова застыл.

Застыла и я. Теперь дело было не только в поршне. Дело было в том, что когда он сдвинулся, произошло что-то такое, чего не должно и не могло произойти. *Дёрнулся весь окружающий мир.* Дёрнулся так, что я хорошо почувствовала, чётко увидела: меня подбросило. Услышала, как бодро звякнули металлические инструменты, как жалобно зазвенела лабораторная посуда.

Хорошо хоть пузырь под татуировкой заметно осел. Надо было что-то делать дальше. Или ничего – потому что дёрнулся мир. Ничего – потому что *показалось*, что дёрнулся мир? Ведь не могло же такое случиться на самом деле! Может быть, я просто устала? Надыхалась химикатами? Раньше обходилось, но ведь всякое бывает, организм – загадка.

Всё. Больше никаких сверхусилий. Потяну совсем легонько, и если нет...

Поршень скользнул как по маслу. А вместе с ним скользнуло *всё* – стол с Ларисой, стены, окна, парк, город, небо, земля. И не просто скользнуло, а сорвалось и продолжало скользить. Мир промелькнул мимо меня одной размытой полосой, очень быстро, так быстро, что секунда рядом с этим показалась бы довольно серьёзным промежутком. В то же самое время это непостижимо краткое скольжение легко делилось на части: где-то в его середине я услышала, как тяжело стукнул пластик о металл – это наполненный жидкостью шприц выскользнул у меня из рук, – а под самый финал впереди появился чёрный блин темноты. Как свет в конце тоннеля – только не свет, а темнота. В ней-то я и оказалась, когда ускользнуло *всё*. В полной темноте – и полной тишине. Твёрдая поверхность ушла из-под ног – я больше ни на чём не стояла, но никуда и не падала. Это было как сон. Или как потеря сознания. Только наяву. И сознание никуда не делось.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем запела какая-то далёкая птичка. Запищали комары. Зашумели листья. Послышался треск веточек и шаги. Мягкие. Как по траве. Да и пахло травой. Травой, почвой, сырой древесиной... Прямо у моих глаз метнулся светло-зелёный огонёк.

– Дочка, да ты никак живая?

2. На что горазда Горазда

– Дочка, да ты никак живая?

К моему лицу приблизилось сморщенное, подвязанное косынкой в крупный горох лицо старушки. Одной рукой старушка придерживала зачем-то кончики косынки, а в другой держала ветку полыни. К верхушке ветки приклеился шарик зелёного света. Только он и разгонял кромешную тьму, немного, но достаточно, чтобы увидеть того, кто напротив.

Эта необычная осветительная конструкция не была похожа ни на фонарик, ни на факел. Скорее на маленькую шаровую молнию, по какой-то причине усевшуюся на полынную ветку. В свете «молнии» старушка выглядела зеленоватой, и стояла она как-то странно пригнувшись. Из-за этого всего было ещё труднее избавиться от чувства нереальности происходящего.

Старушка разглядывала меня, не стесняясь. Я не торопилась отвечать на её вопрос. В конце концов, он был риторическим. Она смотрела на меня, а я – на неё. Уж куда живее!

– А разит-то от тебя – смертушкой, – как будто услышав мои мысли, озадачилась она. – Ноги-то у тебя ходят? Отнести я тебя не смогу, ой не смогу, – покрутила она головой из стороны в сторону.

И только тогда я поняла, что старушка не пригнулась – она надо мной наклонилась. Я лежу. Так вот почему я не ощущала поверхности под ногами!

– Отнести? – переспросила я, усаживаясь и стряхивая с себя двух разнокалиберных жуков. Старушка опасливо попятилась, уткнулась во что-то – потом я рассмотрела во что, в крупный замшелый валун – прямо на него и уселась.

У меня закружилась голова. На мгновение от спины отстала одежда, а когда прижалась снова, от влажного холода побежали мурашки – сырая земля промочила оба слоя ткани, рубашку и халат.

– А куда меня, по-вашему, надо «отнести»? – уточнила я, растирая виски, чтобы унять головокружение.

– Да вот никуда и не понесу. Откуда силы? Годков-то мне знаешь сколько? Сама давай вставай. А нет, так и... нет. У меня как-то было: нашла – а у него ноги прям плетьюми, прям плетьюми... Даже, понимаешь, не трепыхаются, не то чтоб ходить. А сам здорове-енный... Как бык. Да на быка и похож, упокой его бог его душу.

– Так он, значит, умер?

– А как же, дочечка? Помню, уходила, а он так, на руках, за мной и полз. Всё звал – бабуся, бабуся! Отстал потом. Руки тебе не ноги! На другой день я пришла, а его уж и след простыл. Как не было. Видать, ломарь его к себе в нору утащил. Знаешь про ломаря-то?

– Нет, но... Послушайте. Меня зовут Алина. А вас мне как звать?

– Горазда я. Так и зови.

– А по отчеству? Как звали вашего отца?

– Да кто как. Он мебель растил. Бывало, Сидушечником звали, бывало, что и Сильяном.

– Со мной случилось что-то странное, Горазда Сильяновна. Я не знаю, как я здесь оказалась.

– Насмешила, – фыркнула старушка. – Никто ж никогда не знает. Вы же эти – паданцы. Падаете сюда – и всё. И один забавней другого! Ты вот, дочечка, не сильно-то и охламонистая. Разве что штаны под халатом и косу свою куда-то потеряла. А бывает не так. Ой, уж такие бывают, уж такие...

Она неожиданно тоненько захихикала.

Я терпеливо ждала, когда окончательно уляжется круговерть в голове, чтобы попробовать встать.

– Бывают, понимаешь, и на нас-то не похожие, и лопочут не по-нашему – вар-вар-вар, вар-вар-вар. Ой насмотрелась я, ой наслушалась, – продолжала хихикать она. Полынь со светящимся шариком ходила ходуном вместе с её рукой, но всё, что выхватывалось из окружающей тьмы – ближайшие деревья, кажущиеся ещё более тёмными, чем сама тьма. Какими-то оглушительно чёрными. Мрачненький, скажу я вам, вырисовывался пейзаж...

– Пойдём, – мотнула головой старушка, подскочила с валуна и выдвинулась в указанном собою же направлении.

– Подождите... – Я начала подниматься, а сама всё никак не могла сосредоточиться. Не могла определиться с тем, насколько опасна эта Горазда Сильяновна. Маленькая, щупленькая и как будто доброжелательная, но... было в ней что-то неприятное. Смех? То, что она рассказала про ползущего за нею на руках *кого-то там*?

– Во-во, вставай-вставай, – подбодрила она. Но руку подать даже не попыталась.

Состояние моё было так себе. Что-то среднее между болезнью и усталостью. Но ноги меня вполне держали. Да и голова не сказать чтобы совсем не соображала.

– Горазда Сильяновна, мы ведь в лесу?

– В самой чаще, доча, в самой чаще.

– И... что вы делаете ночью в лесу?

– Я? Да как обыкновенно. На поляну иду. Мебля там растёт. Её только ночами можно править, вот и хожу-брожу впотьмах. А от этой мебели у меня уж пальцы сводит! Но ничего. Теперь-то мне полегче будет. Теперь у меня вон какая помощница!

– Помощница?

– Ты, доча. Ты помощница и есть. Пойдём, – снова позвала она. – Вот. Держи-ка. – Она протянула мне свою осветительную полыньку. – Ну, чего ты? Бери!

– Как это называется? – Говоря откровенно, мне было совершенно всё равно, как оно называется. Просто с полгода назад шаровой молнией убило учительницу. Ожоги шестидесяти процентов тела – то, что мне не развидеть уже никогда.

– Да никак. Кто хочет красиво, называет светоч. А я говорю, светилка. А молодёжь, бывает слышу, – кто светик, кто световик. Не бойся, не жжётся! – И старуха медленно погрузила в шарик-молнию свою когтистую пятерню.

Я тоже коснулась – кончиком пальца (да, не жжётся, едва-едва ощущается тепло) – и только потом переняла полыньку у неё из рук. Старуха сорвала новую, такую же высокую и мощную. С силой хлестнула ею по воздуху – и на верхушке вспыхнул точно такой же шарик-молния.

– Ух ты. Это магия? – поинтересовалась я. Вопрос прозвучал как-то буднично – как будто я говорю «Ух ты. И почём такая маечка?». Но я сочла это хорошим вариантом. Я уже поняла, что попала в какое-то странное, возможно *очень* странное место, и совсем не обязательно на любую странность выдавать целую бурю эмоций. Буду как Карлсон – спокойствие, только спокойствие!

– Ты что же, и в школу не ходила? – пожалела меня старуха Горазда. – Инергия это, доча. И-нер-ги-я...

Мы шли гуськом по узенькой, хорошо протоптанной тропинке. Горазда, разумеется, впереди и, надо сказать, довольно шустро. Ей не мешала даже её длинная, мешковатая юбка. Она мешала скорее мне – тем, что заставляла недоумевать. Всё время хотелось спросить: зачем же надевать такое в лес? С другой стороны – в моём наполовину мокром, не первой свежести халате лучше было попрिдержаться замечания, касающиеся одежды. И я так и делала.

Я вытягивала руку со светилкой то влево, то вправо, пытаюсь получше рассмотреть деревья. Обычные дубы, обычные сосны. Не знаю, почему они мне поначалу чёрными показались. Наверное, с перепугу.

Вполне обычно пищало и комарьё.

Однако хватало и необычного.

Над тропинкой в мгновение ока возник клочок желтоватого тумана, покачнулся и так же мгновенно исчез – как будто выключился.

Потом я заметила на сосне белёсый нарост размером с кошку. Он сидел на стволе, как гриб, но когда я приблизила светилку, медленно и как будто недовольно перебрался на другую сторону дерева.

Высоко над лесом кто-то крикнул детским голосом: «Эй!». Я дёрнулась. Через несколько секунд крик повторился, и старуха буркнула:

– Спунец.

Три раза мимо нас проносились бесформенные скопления ярко светящихся точек. Старуха пояснила – это Бука, Тянуло и Тягало...

– Как вы их различаете? По-моему, они одинаковые...

– Очень даже разные. Это на них покрывалки один в один. Чёрные в искру.

– А это люди или животные?

– По-среднему. А в последнее время дичают. Не здороваются, шкродничают. Ломарь и тот, бывает, кивнёт, а эти... – Горазда цыкнула, махнув рукой – мол, пропащие. – Встретим ломаря – не забоишься?

– Если в нору к себе не потащит, не забоюсь, – пообещала я, надеясь, что получилось не слишком натянуто. Подумала я другое. «Только ломаря мне и не хватало!».

– Зверь не дурак, доча. Зверь мой сосед. А теперь и твой, поняла, нет?

Одно мне становилось всё яснее: это какая-то другая реальность. Параллельная? Альтернативная? Я в таких делах не специалист. А в каких специалист, я решила пока не говорить. Когда старушка заводила об этом разговор, я, чтобы не врать, отмалчивалась. В разных культурах отношение к смерти разное. И отношение к тем, кто тем или иным боком к ней относится, – тоже. Промелькнула, правда, мысль: не сказать, ли что я медсестра? Или кто у них тут – целительница? Лекарь? Но вот уже на этапе названия путаница и пошла. К тому же, учитывая замечание о «смертушке», которой от меня разит, хреновым бы я лекарем получалась. Не рекомендоваться же хреновым лекарем, в самом деле!

Старуха была словоохотливой всю дорогу, но все мои попытки узнать хоть какую-нибудь конкретику заходили в тупик. Что за местность? Как называется? «Лес, он и есть лес», «Село, оно и есть село»...

– А город поблизости какой?

– Что ещё за город? Нет у нас такого.

– Ну хорошо. Село, говорите, у речки. А как называется речка?

– Да что тебе эти названия дались, доча! – (Она так меня дальше и звала – дочей, не по имени.) – Не пригодятся они тебе. Такая у тебя судьбинушка.

– Какая «такая»? – насторожилась я.

– Жить в лесу. Помогать мне. Лесная ты теперь, понимаешь, нет? Будешь со мною меблю расти – не пропадёшь!

– Постойте, но почему «лесная»? Вы же сами сказали – где-то рядом село.

– Если ты свой нос из лесу высунешь – больше у тебя носа не будет. Потому как и головы не будет. Селяне – они дикие.

– Вот поэтому я и спрашиваю про город!

– Совсем дикие, – упёрто повторила старуха. – О-без-головют!

– Обезглавят, – машинально поправила я.

– Гляди-ка! В школе не училась, а умная. А коли умная, так и живи себе с головой, не суй её куда не позволено. Сколько я этих голов потом находила! Вот так же появятся не пойми откуда – и сигают из лесу, меня не слушают. А потом идёшь – и на тебе. Голова.

– А тело? – так же машинально спросила я.

– Тела, видать, ломарь утаскивал. Он своего не упустит, он такой!.. А вот и моя полянка. Надо сказать, это было сюрпризом. Я почему-то считала, что Горазда ведёт меня к себе домой, а не на работу. Но возмущаться я, само собой, не стала. Не в том я была положении, чтобы возмущаться.

Полянка оказалась совсем даже не полянкой – настоящей поляницей размером, наверное, со стадион. Не с Лужники, конечно. Но со школьный точно.

«Мебля» Горазды представляла собой исключительно стулья. Их было ровно десять штук, широко раскиданных по всей поляне. Как я их увидела да ещё и посчитала? Они светились! Ровным, чуть приглушённым зелёным светом. А сразу за ними светился стул-гигант – огромный, этажа с четыре. Он был весь перекошен, как будто вот-вот завалится набок.

– Это вроде как их мамка, – «познакомила» Горазда. – Они от её корневища растут. Видишь, как её перекивило? В дикости-то они кривыми вырастают. Чтобы такого не приключалось, ухаживать надо. Ходить и поправлять. Ночами-то они не только светятся. Ещё и гнутся как миленькие. Идёшь и смотришь: где ножка не туда прогнулась, где спинку в сторону уводит. Смотришь – и выгибаешь как надо. Поняла, нет?

Я кивнула.

Горазда погасила обе наши светилки – просто затоптала шарики-молнии, как гасят тлеющие угли – и мы взялись за дело, пошли поправлять и выгибать.

Одна из передних ножек каждого стула (у некоторых левая, у некоторых правая) росла прямо из земли, а потом невероятно сложным и хитрым образом перекручивалась и переходила в спинку, сиденье, другие три ножки.

Стулья гнулись как резиновые, с той только разницей, что как выгнешь, так и остаётся, к прежней форме не возвращается.

– Почти готовы. Почти-почти, – с удовлетворением заключила Горазда. – Как дорастут – спилим, унесём на опушку леса.

– Зачем? – удивилась я.

– На продажу, зачем же ещё?

– А кто покупает? Деревенские?

– Эти редко. Но мимо дорога в город, постоянно тарантасы ездят, а в тарантасах городские умники. Небось не нищие! Покупают, доча, так покупают, что только шум стоит! Задорого!

– В город? – замерла я на корточках (заднюю ножку закрутило в тугую петлю, которая всё никак не хотела раскручиваться).

Затепилась надежда. Если куда-то можно попасть, наверняка оттуда можно и выбраться. Горазду об этом, похоже, бесполезно спрашивать, но вот городских бы умников!

– Разве вы не говорили, что города нет? – поймала я её на слове.

Старушка вздохнула, но не смутилась.

– Ну и есть, ну и что? Я тебе, доча, всё как на духу говорю. Ты ещё молодая, тебе пожить охота. Вот и береги свою головушку!

Беречь мою головушку старушка повела меня к себе.

Шли мы с точно такими же полынными светилками, видимость – на расстоянии вытянутой руки, не дальше. Узкая тропинка постепенно расширилась в дорожку, по которой можно было идти не гуськом, а локоть к локтю. Я поняла, что мы у цели, практически уткнувшись в высокий частокол. За частоколом в два голоса затывкали и заскулили.

– А ну-ка тише! – шикнула на них Горазда, открывая калитку. – Перелайки это, не пугайся.

– Собаки такие? А они не нападут? – заволновалась я. Заволнуешься тут! Мне хотелось упасть и уснуть, пусть даже на голой деревянной лавке, а вовсе не истекать кровью в надежде, что собаки хотя бы не бешеные.

– На цепи они. Иди, не бойся, – ласково пригласила старушка. – Устала?

– Очень...

Горазда провела меня в избу и сразу уложила:

– Вот тебе сорочка, вот тебе подушка, вот тебе две простынки. Спи, доча. Ни о чём не тужи. Разбужу я тебя сама.

«Насчёт голой лавки я почти угадала...» – сонно подумала я, расстилая простынь. Лежак? Топчан? Как лавка – только намного шире. Светилка торчала прямо из стены, воткнутая в щель между брёвнами, и я вдруг заметила, что «мебля», на которую я собираюсь завалиться, скручена так же хитро, как стулья на поляне. «Хм... Значит, у старухи не одна поляна? Не одна, а сколько?» – успела подумать я и рухнула в сон...

– Доча, доча, вставай! И так заспались. Давно рассвело! – тормошила меня... кто? Я открыла глаза и чуть не заплакала. Горазда! А во сне мне привиделось, что всё это сон. Там как-то сложно всё перевернулось: казалось (и уже под самое утро, только что!), что всё как обычно, я иду на работу, как ходила почти семь лет, и вспоминаю странную старушку-мебельщицу из фантастического сна про какой-то иной, любопытный, но не слишком-то приветливый мир.

– Выпусти и привяжи козу – верёвку покороче, а то эта скотина рогатая до яблоньки дотянется. Потом откроешь курятник, насыпешь пшена курам – мешок в углу за печкой. Потом покормишь перелаек – чугунок с кашей в печи, миски под печью... Вставай, сказала! – неожиданно взвизгнула она над самым ухом.

– Встаю, – спокойно ответила я. Хоть мне это очень и очень не понравилось – и получать такие многочисленные инструкции прямо спросонья, и то, что на меня, как на прислугу, прикрикивают. Ну, или если вернее сказать – привизгивают.

Горазда тут же скрылась из виду (я потом видела её в окошко, на огороде), а я нарядилась в то, что она оставила мне вместо моей «охламонистой» одежды – тёмно-бордовый грубоватый сарафан поверх льняной рубахи с довольно коротким рукавом (думаю, «три четверти»). На голову я повязала такую же, как у Горазды, косынку в горох (не для красоты, разумеется, но вдруг пригодится, дают – бери). Всё это было особенно «прекрасно» с кроссовками. Кем в этом всё себя ощущаешь? Каким-то незадачливым аниматором, забывшим в такси аниматорскую обувь.

Я побродила по избе в поисках зеркала, но ничего похожего не обнаружила. Старуха вообще жила очень скромно, можно даже сказать, по-спартански. Только необходимое. Полки с посудой напротив печки. Стол, стул, сундук. Спала она, видимо, на печке. «Интересно, на что она тратит деньги, если продаёт свою «меблю» дорого?».

Со двора послышалось жалобное тьяканье, почти сразу ему стало вторить другое. Наверняка перелайки. Надо их покормить как можно скорее, всё остальное уже потом.

Ухват от кочерги я отличила, только он мне всё равно не понадобился. Я его никогда в жизни в руках не держала, не стала рисковать и теперь (представила, как грохну кашу на пол – и не стала), чугунок подвинула к краю, накинув на него петлю из полотенца.

Каша была пшённая. Ещё горячая. Как же вкусно она пахла! Желудок призывно заурчал. «Подождёшь, – приструнила его я, – завтрак впереди». Нет, ну когда-то же он будет. Не отъедать же втихаря от собачьей каши! Я, конечно, голодна, но я же человек. Правда, человек, не евкий – не пивший со вчерашнего вечера, а это часов пятнадцать. И то – если время в наших мирах сходно и сопоставимо, в чём я совсем не была уверена.

Я наполнила миски и вышла во двор. Подворье Горазды Сильяновны впечатляло – окружённое высоченным добротным частоколом, плотно застроенное сараями и сараяшками. Огород был по ту сторону избы и, насколько я рассмотрела из окошка, был он тоже немаленьким – узким, но длинным. Маленькой был только изба.

Тьякали, поскуливали и подвывали из-за самого высокого сарая.

Я зашла за него – и уронила обе миски... Там, друг напротив друга, сидели на цепи, у будок, вовсе не собаки. А люди. Лохматые, босые, в рваной, извалянной в земле одежде явно с чужого плеча. Я даже не сразу поняла, какого они возраста и пола. Только когда пригляделась. Боже ты мой, они же молоденькие совсем, лет по семнадцать! И боже ты мой, ошейники – железные...

Увидев, что каша рассыпана, один из этих бедняг разволновался сильнее прежнего, затыкал ещё жалобнее, потянулся мордой... – нехорошая оговорка, но ведь совсем неспроста! – в общем, потянулся к этой рассыпанной каше.

– Чёртова старуха, что же ты вытворяешь, – прошептала я. Забыла обо всякой осторожности, быстро подошла...

Замок на ошейнике был простецкий – продетый сквозь петли ошейника большущий гвоздь, расплющенный с острого конца да ещё и намертво закисший, заржавевший.

Нет, с этим надо что-то делать. Ясно, что старухе это не понравится, ну что ж. Что она, в конце концов предпримет? Превратит меня в мухомор?

Я побежала за кочергой.

Первым освободила «волнительного». Стоило мне воткнуть её плоский загнутый кончик под шляпку гвоздя и пару раз качнуть, как ржавчина посыпалась, и гвоздь выскочил! Я раскрыла железный обруч, и «волнительный» рванул к вожделенной пшёнке.

Со вторым пошло чуть сложнее – пришлось раскачивать, тянуть, я поцарапала запястье и порезала палец – но наконец и его ошейник с лязгом повалился на землю. Однако к пшёнке освобожденный не помчался.

Справедливости ради, там уже было почти и не к чему. «Волнительный» доедал, возя мордой прямо по земле. Вернее, лицом. Вернее, не знаешь, как и сказать, чтобы было вернее.

Он доел и потерял всякий интерес к дальнейшему, уполз на четвереньках в будку.

Второй встал с четверенок и оббежал меня вокруг (бег его, конечно, мало напоминал человеческий: он бежал, полусогнув ноги и сильно наклонившись вперёд, так, что и руки вот-вот достанут до земли), а потом уселся прямо передо мной на колени и принялся лупить себя кулаком в грудь:

– Гав-ррр! Гав-ррр!

Хм. Это он меня облаять, что ли, решил?

– Й... й... я Гавр! – наконец, выговорил он. Затем потянул за мой подол: – Дотя!

– Доча? – догадалась я. – Почему доча? Нет. Я Алина.

Он снова поднялся на полусогнутые, продолжая куда-то меня тянуть.

– Чего ты хочешь? Что такое?

– Там, – упрявился он.

– Ну хорошо. Там значит там. Идём...

Он подвёл меня к небольшому холму в самом углу, у частокола. Холм оказался вовсе и не холмом, а небольшим деревянным срубом, укрытым толстым слоем дёрна. Я оттащила тугой засов, толкнула дверь, и в лицо мне ударил густой, обжигающий морозный пар.

Гавр, скульнув, рванулся внутрь.

Я заглянула. Ничего, кроме тьмы. А не попробовать ли и мне эту их «инергию»?

Я сорвала какой-то высокий и не слишком разлапистый бодыль, зачем-то зажмурилась и хлестанула воздух, как это делала Горазда. Трудно сказать, на что я надеялась. В глубине души я продолжала считать это магией, которой владеет старуха, а я, разумеется, не владею, но... зелёный шарик-молния вспыхнул!

Гавр звонко нетерпеливо твякнул и крикнул:

– Тут!

Его голос раздавался откуда-то из глубины и отскакивал от бревенчатых стен лёгким полуэхом. Я поёжилась – внутри было просто дьявольски холодно! – но решила, что всё-таки

спущусь. Даже не знаю, что меня на это сподвигло, любопытство, отчаяние или просто импульс. Вполне возможно, что всё вместе, три в одном.

Скользкие деревянные ступени (трижды я чуть не полетела вниз кувырком) уводили под землю метра на четыре. Пахло сыростью и почему-то болотной тиной.

Посреди довольно большого подземного зала стоял ледяной блок с чем-то... *с кем-то* внутри.

Гавр носился вокруг этого льда, то и дело поглядывая на меня, а когда я подошла, потыкал в него пальцем и снова сказал:

– Дотя!

Я наклонилась над блоком и ахнула. В него была вморожена девушка!

Она была очень похожа на Горазду – те же черты, только молодая. Одета нарядно: по сарафану вышивка, рукава-фонарики. Через плечо перекинута роскошнейшая коса.

– Качелей её стукнуло. На ярмарке... Одиннадцать годков уж прошло, – донёсся сверху голос Горазды Сильяновны. Она спускалась к нам, пыхтя от напряжения (видимо, очень уж боясь скатиться с лестницы) и освещая себе путь традиционной светилкой.

– Что же не похороните? – спросила я. Учла срок давности и сочла, что вопросы задавать можно. Любые. Одиннадцать лет – не одиннадцать часов. Но я просчиталась.

– А ну-ка прикуси-ка язычок! – разозлилась старушка. – Чтобы я, да свою кровинушку, да вот так?!...

Я и впрямь прикусила язык. Что у них тут за обычаи, мне, видимо, ещё разбираться и разбираться. В худшем случае. А в лучшем мне всё-таки удастся отсюда выбраться. В самом лучшем – скоро. Только вот вряд ли случай будет самым лучшим, если днями и ночами я буду работать на Горазду. Днём на подворье, а ночью – на поляне.

... – Замуж я её выдам. Вон какая красавица! Все ещё завидовать станут. Я только для неё и живу, для ластоньки моей...

Горазда продолжала в том же духе, а я стояла-дрожала молча (промёрзла до костей!). И вдруг сообразила: так это же один из вариантов, которые не раз и не два встречались мне по работе. Что-то вроде временного помешательства, когда родственники как будто не могут взять в толк, что произошло. Говорят о покойном как о живом, не понимают вопросов. Запомнилось, как однажды, разбирая вещи, обнаружила тёмно-коричневые, почти чёрные очки от солнца. Такие, знаете, – на пол-лица. А необходимости в них нет – лицо целое, чистое. Звоню, уточняю: «Уверены? Очки одеваем?». А мне в ответ: «Конечно! Он же без них шуруется!».

Но такое бывает именно в начале. В первые часы. Защитная реакция, очень тяжёлая, этакое чугунное забрало. А если «одиннадцать годков уж прошло», дело совсем плохо. Получается, что это «забрало» намертво прилипло и не даёт жить дальше. Так, по крайней мере, у нас, в нашем мире. А если... если здесь вдруг как-нибудь по-другому? Если и на это есть какая-нибудь «инергия», которая полностью меняет суть?

Неожиданно взвыл Гавр.

Всё это время он сидел на корточках у моих ног, замороженно глядя в ледяную усыпальницу и тоже дрожал, а теперь вдруг решил о себе напомнить.

– Умолкни, скотина безрогая! – высоким истеричным голосом приказала ему старуха. А потом добавила вполне нормальным, мне: – Он тогда семилетком был. Подлаечкой совсем. Маленький, хворовитый – а дочечка с ним возилась. Привязался он к ней. Тоскует...

Гавр, затихавший на несколько секунд, снова взвыл.

– А ну-ка умолкни! – снова заверещала Горазда. Подскочила и пнула его наобум, не глядя. Жалобно скульнув, он замолчал. – Ты зачем их отпустила, непутёвая?

Старуха уставилась на меня, а я что-то даже не нашлась, что ей ответить.

– Пойдём, пока не заоченели, – вздохнула она. – Тут как в ледяном аду.

Пока поднимались, я не удержалась от вопроса:

– Горазда Сильяновна. Может быть, у вас здесь есть какие-нибудь особые возможности?

– Это какие?

– Ну, например... оживлять.

– Оживлять? Совсем ты дура, девка. Ой дура...

– Послушайте, я же...

– И слушать не буду. Никакая не умная. Дура набитая, больше никто!

В общем, к тому моменту, как мы выбрались на утреннее летнее солнышко (после ледяного склепа оно казалось прямо-таки горячим), я уже знала, что скажу старухе.

– Горазда Сильяновна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.